

Аромат цветов окутал их ещё на подходе к саду. За изящной аркой из бамбука взгляд утонул в нежно-розовом мареве.

Низкорослые персиковые деревья цвели сплошным ковром, усыпав землю лепестками — настолько бархатистыми, что их текстуру, казалось, можно было почувствовать через подошвы туфель.

"Надо же, персики в разгар лета", — Чи Хань невольно присвистнул. — "Владелец клуба явно не стеснён в средствах".

Он мечтательно улыбнулся. Вот бы и ему когда-нибудь разбить такой сад! Стать садовником, завести кошку, собаку... Жизнь, полная пушистого счастья — предел мечтаний офисного планктона!

Жун Сюй поднял взгляд на кружащиеся в воздухе лепестки. В глазах, подобных чёрному лаку, не отражалось ни проблеска эмоций.

"Какая разница, насколько они прекрасны? В конце концов их всё равно втопчут в грязь, превратят в мусор, на который никто не захочет даже взглянуть", — думал он. — "Лучше уж стать диким пламенем и обратить всё в пепел. Как сладки будут их предсмертные крики..."

Густые ресницы опустились, пряча змеиную ненависть, таящуюся в глубине зрачков.

Чи Хань не догадывался о мрачных мыслях спутника, но чутьё подсказывало — что-то не так, Жун Сюй словно ещё глубже погрузился в молчание.

— Жун Сюй... тебе здесь не нравится?

В романе юному Жун Сюю уделялось до обидного мало внимания. Чи Хань даже не знал, что ему нравилось в том возрасте, чего он избегал. Даже причина его инвалидности оставалась туманной.

Осознание этого на миг опечалило Чи Ханя, но он тут же воспрял духом — человек прямо перед ним, живой и настоящий. Узнать его получше — лишь вопрос времени.

А времени у него предостаточно.

Когда Чи Хань снова посмотрел на Жун Сюя, тот уже вернул привычную маску безразличия. Странное ощущение исчезло настолько бесследно, что впору было усомниться — а было ли оно вообще?

"Что за чертовщина?" — озадачился Чи Хань.

Раз Жун Сюй не хотел говорить, не стоило давить. В конце концов, только здесь, в саду, можно было укрыться от шумной толпы в главном зале.

— Жун Сюй, — Чи Хань наклонился к нему, — может, отдохнём в той беседке? Или ты хочешь куда-то ещё?

Тёплое дыхание коснулось уха, и Жун Сюй инстинктивно отпрянул. Давно никто не подходил к

нему так близко — он привык держать дистанцию.

Ведь чем ближе люди подбирались, тем больше ран оставляли.

Заметив реакцию, Чи Хань осознал, насколько его обычный жест мог напугать собеседника.

— Прости, — он выпрямился. — Забыл, что тебе неприятны прикосновения. Больше не буду так близко подходить.

Жун Сюй застыл, вцепившись в подлокотник. Спустя долгий миг он ощутил покалывание за левым ухом и невольно прикрыл ладонью порозовевшую мочку.

После едва заметного кивка согласия Чи Хань медленно покатил коляску через мостик к беседке. Даже такой крошечный знак внимания наполнил его радостью — ведь они знакомы всего день!

Его восторг только усилился при виде фруктов и закусок на каменном столике. Какой гений это придумал!

Он очистил мандарин, аккуратно удалил белые волокна и протянул Жун Сюю.

— Попробуй, точно сладкий! Ручаюсь двадцатью... то есть семнадцатью годами жизни!

Чи Хань прикусил язык — чуть не проговорился! Но Жун Сюй, кажется, не придавал оговорке значения.

С облегчением выдохнув, Чи Хань не заметил, как на несколько секунд Жун Сюй застыл, глядя на протянутый мандарин. Жест был таким естественным, словно они знали друг друга целую вечность.

Но те, кто знал его долгие годы, протягивали лишь окровавленные ножи.

Взгляд Жун Сюя медленно переместился с мандарина на сидящего рядом Чи Ханя. Ощетинившись невидимыми иглами, он осторожно наблюдал сквозь привычную пелену отчуждения, не решаясь сделать шаг навстречу.

Внезапно он повернулся к падающим лепесткам и едва слышно произнёс:

— Люди как цветы. Упав, умирают.

Он тут же пожалел о сказанном и замкнулся, плотно сжав губы.

Рука Чи Ханя, чистившая очередной мандарин, замерла. Осознав, что Жун Сюй говорил о себе, он мгновенно помрачнел.

Теперь понятна его реакция при входе в сад — он отождествлял себя с этими хрупкими цветами!

Безжалостно растоптанными и поруганными.

Чи Хань хотел возразить, но перед глазами встала сцена из романа: сумерки, тёмная ванная, залитый кровью пол...

Сердце болезненно сжалось, к горлу подступил ком.

— Разве можно сравнивать людей с цветами? — Чи Хань часто заморгал, пытаясь справиться с дрожью в голосе. Он пристально всмотрелся в профиль Жун Сюя. — В саду тысячи персиковых цветов, и все они одинаковые. Но ты — особенный. Где бы ты ни был, я узнаю тебя с первого взгляда.

Эти слова, острые как лезвия, вонзились в непроницаемые стены, которыми Жун Сюй отгородился от мира, пробив первую трещину.

Его грудь судорожно вздымалась. Стиснув подлокотники кресла, он не отрывал взгляда от ковра опавших лепестков.

Те же самые цветы, что и минуту назад — почему же теперь их яркость почти причиняет боль глазам?

"Тысячи цветов, но ты — особенный..."

"Где бы ты ни был, я узнаю тебя с первого взгляда..."

Эти фразы эхом отдавались в ушах, словно заклинание.

Он медленно опустил голову, и на губах мелькнула едва заметная улыбка.

Для Фан Цзинло сегодняшний банкет казался пустой тратой времени. Он уже договорился о сотрудничестве со старшим сыном семьи Жун, но старик в последний момент передумал — теперь требовал уникальный эскиз нефритового украшения, которого ещё не видел рынок.

Проблема в том, что все дизайнеры, работающие на семью Фан, уже показывали старику свои работы. Очевидно, он специально вынуждал искать кого-то со стороны.

"Чёртов старикашка с его причудами!" — Фан Цзинло скрипнул зубами.

Цзян Яонин приблизился с двумя бокалами вина. Хоть его семья и принадлежала к высшему обществу, но не могла сравниться с кланом Фан. Поэтому семидесятилетие главы семьи Жун представляло для него особый интерес.

Сегодня здесь собрались влиятельные люди, до которых обычно не добраться. Цзян Яонин притащил с собой Фан Цзинло именно ради знакомств. Но тот с момента прихода засел в VIP-комнате на втором этаже, уткнувшись в телефон.

— Цзинло, твой дядя внизу. Не боишься, что уведёт проект? — Цзян Яонин протянул бокал, приподняв бровь.

До него дошли слухи: глава семьи Фан объявил — проект получит тот, кто представит действительно уникальный дизайн нефрита.

— Уведёт? — Фан Цзинло качнул бокал с надменной усмешкой. — Думаешь, он найдёт того, кого не смог найти я?

Цзян Яонин поперхнулся от такой заносчивости, но, поразмыслив, признал его правоту. Фан Цзинло растили как наследника, предоставляя лучшие связи и ресурсы.

Он попытался настоять — в одиночку ему едва ли удастся завязать и десяток полезных знакомств. С Фан Цзинло всё было бы иначе.

Когда тот наконец раздражённо поднялся, его взгляд скользнул за окно и застыл.

— Сюй Тин?!

От этого имени Цзян Яонин вздрогнул:

— Где? Где? — он проследил за взглядом друга.

В беседке среди персиковых деревьев сидел черноволосый юноша, с улыбкой чистивший мандарин тонкими белыми пальцами.

Цзян Яонин охнул. Неужели правда Сюй Тин?

Он прищурился.

Нет, постойте...

Когда это Сюй Тин так улыбался?

Да это же Чи Хань!

Осознание поразило его даже сильнее, чем возможное появление Сюй Тина. За один день Чи Хань словно стал другим человеком! Не только причёска — даже манеры изменились!

Стал больше похож на... Сюй Тина.

Цзян Яонин украдкой взглянул на Фан Цзинло — тот улыбался, но глаза оставались ледяными.

— Пойдём со мной.

— Куда? — Цзян Яонин почувствовал неладное.

— Навестим моего маленького любовника.

<http://bllate.org/book/13398/1192568>